

Глава 12

Огонь посреди зимы

К счастью, мигрень Вань Миньюэ была несильной. Хотя Гу Ледяного Холода в теле Хань Линя и давал о себе знать, в найденной ими хижине была отапливаемая лежанка, так что юноша, по крайней мере, не рисковал замёрзнуть насмерть.

Миньюэ очень боялся холода. Отправляясь в Цзинь-Алинь, он укутался в несколько слоёв одежды. В тот раз, когда они поднимались на гору, чтобы изучить местность, он оделся ещё теплее обычного. Хань Линь тогда посмеялся над ним, сказав, что в нём самом нет ни капли огня.

Кто бы мог подумать, что эта предусмотрительность окажется спасительной. Когда Линь заболел, Вань Миньюэ отдал ему свою тёплую одежду, а также укутал его в тигровую шкуру, найденную в хижине. Сам же он оделся лишь настолько, чтобы не замёрзнуть до потери сознания.

Днём он с луком уходил на охоту. По пути мужчина искал целебные травы и сухие дрова. Вернувшись в хижину, он колот дрова, а пока готовилась еда, мастерил силки.

Чтобы не потерять счёт времени, он каждый день выводил на двери черту, отмечая, как долго они здесь заперты.

Дни в горах тянулись бесконечно. Вдвоём в этой глуши они, разумеется, много разговаривали. Ночи всегда располагают к одиночеству и беседам.

— Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя... Зачем давать такое зловещее имя, будто он вот-вот развалится? — спросил Вань Миньюэ, обнимая его.

— Чтобы не забывать, как тяжело было вначале. Первый Владыка Павильона решил основать его дождливой ночью, когда от свечи остался лишь огарок длиной с палец.

Они лежали лицом к лицу под одним одеялом. Дыхание Хань Линя, касавшееся его лица, было холодным. Миньюэ прижал его к себе покрепче. Он всё время боялся, что однажды утром проснётся и обнаружит, что спутник замёрз насмерть.

— А почему вы носите чёрное? — с улыбкой спросил он.

— Немаркое. А что, у вас по-другому говорят?

Вань Миньюэ помолчал, а затем произнёс:

— Похоронное.

Сказав это, он сам рассмеялся. Хань Линь засмеялся в ответ. Одеяло заходило ходуном, словно волны, и на посиневшем от холода лице Хань Линя появился румянец.

Но тут же они оба поняли, что в их положении такие шутки неуместны, и умолкли. Вань Миньюэ поправил одеяло и сказал:

— Спи.

Другой ночью Хань Линь, лёжа в его объятиях, спросил:

— А что насчёт вашего Ордена Безмолвных Цикад? За что вы так на них ополчились?

Вань Миньюэ скривился:

— Это детские байки. Летом на деревьях перед нашим орденом не слышно цикад. Вот и пошёл слух, будто наши мастера настолько искусны в технике лёгкости, что могут снять с дерева всех цикад.

— Правда? — Хань Линь широко раскрыл глаза.

— Куда там. Их всех снимали и зажарили беженцы. Глава Ордена рассказывал, что тогда был голод. По утрам перед воротами раздавали кашу, очередь была длинная, вот им и было нечем заняться, — безжалостно развеял Вань Миньюэ его иллюзии.

На пятый день, отмеченный на двери, Вань Миньюэ, вернувшись, увидел, что Хань Линь сидит на кровати и что-то шьёт. Приглядевшись, он разглядел два плоских кругляша из кроличьего меха. Мужчина решил, что тот просто от скуки нашёл себе занятие, и пошёл кипятить воду. Пока варилась каша из диких трав, он подошёл к Линь, чтобы сменить повязку на ране. Из-за Гу Ледяного Холода рана заживала медленно, и Миньюэ боялся, как бы не началось обморожение.

Каждую ночь ему приходилось обнимать Хань Линя, каждый день — менять повязку. Он уже привык видеть его обнажённый торс, но каждый раз старался сделать всё как можно быстрее. Хань Линь думал, что это из-за того, что его тело слишком холодное и неприятно для рук спутника, и ему было неловко.

Хань Линь был костистым, но талия у него была гибкой, а мышцы живота — крепкими. Линия талии изгибалась в нужном месте, и когда он лежал, выступающие тазовые кости создавали

под одеждой небольшую пустоту.

В мире есть много вещей, которые мучают своей недосказанностью, дразнят, но остаются под запретом. Как сейчас: эта пустота словно манила провести рукой по низу живота и скользнуть в неё.

Хань Линь сидел с расстёгнутой одеждой, а пока Вань Миньюэ снимал бинты, снова принялся за свои меховые кругляши.

Накладывая мазь, Вань Миньюэ нарочно надавил посильнее. Хань Линь вскрикнул, и игла в его руке дрогнула.

— Почему ты сегодня со мной не разговариваешь? — спросил Вань Миньюэ.

— Занят, — ответил Хань Линь, показывая меховой шарик. — Шью тебе меховые наушники. Посмотри, во что твои уши превратились от мороза.

Позже, лёжа на тёплой лежанке, Хань Линь сшил ему ещё шарф и пару перчаток, говоря, что звериных шкур всё равно много. Первые его изделия были кривыми и неказистыми, но последние выглядели уже вполне прилично.

Когда зимний гардероб Вань Миньюэ был полностью укомплектован, Хань Линю снова стало нечем заняться, и им оставалось только разговаривать.

Рана, хоть и медленно, но всё же заживала, и крови с каждым разом было всё меньше. Осматривая её, Вань Миньюэ понял, что удар был нанесён мастерски: клинок обошёл все жизненно важные точки, не задев внутренние органы.

Хань Линь предположил, что это, возможно, связано с его прошлым опытом разделки туш.

Вань Миньюэ и раньше слышал, как Хань Линя называли мясником, но думал, что это презрительное прозвище, данное ему теми, кто не мог смириться с поражением. Он не ожидал, что это правда, и попросил рассказать подробнее.

Рассказ неминуемо коснулся его наставника-мясника, любителя мальчиков. Вань Миньюэ, помолчав, спросил:

— А ты...

Хань Линь покачал головой:

— В детстве я выглядел не так, как сейчас. Меня взяли в ученики, чтобы я помогал по хозяйству.

Вань Миньюэ подумал.

«Хорошо, что не так, как сейчас»

Хань Линь продолжил рассказывать о разгульной жизни своего наставника и его бледного старшего ученика. Наставник не хотел утруждать своего любовника, а работы всегда было много, поэтому он и взял ещё одного помощника.

— Какое чистое прошлое, — вздохнул Вань Миньюэ.

— А тебя что, в разбойничьем логове... — Хань Линь испуганно осёкся. — Прости, прости.

— Прости, как же, — выругался Вань Миньюэ. — О чём ты, чёрт возьми, думаешь? Я в детстве был тощим, как палка, грязным и уродливым, никто бы ко мне не притронулся.

Хань Линь, конечно, шутил. Видя, как хорошо Вань Миньюэ разбирается в целебных травах, он спросил, неужели всему этому можно научиться по книгам.

— Частично, — ответил Вань Миньюэ. — Я ведь тоже вырос в горах.

— Мы все выросли в горах, — сказал Хань Линь.

Вань Миньюэ улыбнулся:

— Я родился в горах. — Он поднял на него глаза и добавил: — Я родился в разбойничьем логове.

— Но я слышал от наставника, что ты был с родителями, когда на вас напали. Их убили, а тебя оставили, чтобы продать в рабство. А когда логово окружили, ты убил главаря и сбежал...

— Это выдумка, — сказал Вань Миньюэ, укрывая его одеялом после перевязки.

Впрочем, не совсем выдумка. Действительно, однажды на торговый караван напали разбойники. Там были отец, мать и мальчик. Но главарь забрал с собой только женщину, а отца и сына убил на месте.

В горах не было недостатка в рабочих руках. Главарь постоянно приводил к себе женщин, насиловал их, а когда рождались дети, они становились его рабами. Мальчик, который тогда

ещё не был Вань Миньюэ, был одним из таких детей.

У него даже не было имени. Дети, рождённые в логове, получали лишь порядковый номер, по которому их и звали. Он был седьмым ребёнком главаря.

Главарь не любил этого сына. Тот с рождения был слабым и молчаливым. Мальчик мог выполнять лишь мелкую работу по дому: мыть посуду, убирать постели, выносить ночные горшки. Он не мог, как его старшие братья, участвовать в набегах. Но, несмотря ни на что, он выжил.

Жене купца не повезло: она вскоре забеременела, и её живот рос с каждым днём. Еду ей приносил седьмой — жирную, тяжёлую пищу. Он видел, как главарь сидел рядом с перепуганной женщиной и, поглаживая её живот, спрашивал:

— Ты уже рожала. Как думаешь, кто будет — мальчик или девочка?

Женщина умерла при родах. Повитуха сказала, что от переедания. Главарь спас только ребёнка — девочку, его первую дочь.

Сразу после её рождения он не расставался с ней ни на минуту, целовал, каждый день разглядывал её крошечное личико, следя за тем, как меняются её черты. Когда ему приходилось уезжать на разбой, он оставлял её на попечение своего самого надёжного, старшего сына. Но тот заигрывал с повитухой, ребёнок перевернулся и не смог сам лечь на спину, задохнувшись.

Старшего сына избили кнутом до полусмерти, и с тех пор он больше не смел прикасаться к женщинам.

Линь Мэй привели через два месяца. Она была строптивой и в первую же ночь, будучи связанной, откусила главарю половину уха. После этого её, за исключением ночи, держали запертой в крохотной, тёмной камерке размером с уборную. Еду ей тоже носил мальчик, но она не ела, выплёскивала всё на пол и прогоняла его.

Он подбирал миску и стоял рядом, не уходя. Он приоткрывал дверь, впуская полоску света и свежий воздух. Только пробыв так достаточно долго, он уходил, и стражник снова запирал дверь.

Было лето, и пролитая еда быстро портилась. Через несколько дней в камерке стало невыносимо находиться. Но Линь Мэй всё равно не ела, выливая пищу на пол. Однажды, принеся ей еду, он нашёл её лежащей без сознания — она задохнулась от смрада.

На следующий день мальчик пришёл с веником и ведром воды. Стражник велел ему не лезть не в своё дело, но тот ответил, что знает. Войдя, он поставил миску перед ней, подмёл

сгнившую еду, вылил воду на пол и, опустившись на колени, начал оттирать грязь. Закончив, он взглянул на пленницу и увидел, что она смотрит на него своими тёмными глазами. С тех пор она начала есть.

Но вскоре она тоже забеременела. Её по-прежнему держали в той крохотной камерке, где нельзя было даже вытянуться во весь рост. Принося ей еду, он откладывал в сторону жирное мясо и тихо говорил ей не есть этого, иначе она может умереть при родах.

Она гладила его по волосам, ничего не говоря.

После нескольких попыток самоубийства её перевели в другое место. Условия были лучше: комната была просторной и проветриваемой, но теперь её привязали к кровати.

Боясь, что она откусит себе язык, ей развязывали рот только во время еды. И говорить она могла только с ним, с Вань Миньюэ.

— Твой отец всё время спрашивает меня, кто там — мальчик или девочка, — сказала она.

Он прикусил губу и, взглянув на её шестимесячный живот, посмотрел ей в глаза и серьёзно сказал:

— Только не девочка.

Она тоже пристально посмотрела на него, словно пытаясь прочесть его мысли.

Позже он узнал, что она была старшей дочерью семьи Линь из Ханькоу — семьи потомственных воинов, знавших всех героев Поднебесной. Линь Мэй часто путешествовала и не ладила с семьёй, редко посылая письма домой. Родные думали, что она просто заигралась, и не могли предположить, что её похитили.

Лишь когда она пропала на слишком долгое время, они заподозрили неладное, выследили разбойничье логово, и её отец разослал призыв о помощи всем героям.

Маленькое разбойничье логово, конечно, не могло противостоять такой силе. Оставив сыновей на передовой, главарь в панике бежал назад, в свою комнату. Повернув вазу, он открыл потайной ход и бросился собирать ценности, чтобы сбежать по тайной тропе.

Собирая золотые слитки, он вдруг почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Обернувшись, он увидел своего самого никчёмного младшего сына. Тот снял со стены картину, свернул её и сунул за пазуху.

— Беги сам, я не могу тебя взять, — сказал он.

Не успел он договорить, как острая боль пронзила его спину, и он рухнул на рассыпанное золото.

Его младший сын вложил кинжал в ножны, оттолкнул его ногой, собрал испачканные кровью отца золотые слитки в мешок и, уже собираясь уходить, остановился. Он наклонился и вытащил из-за пазухи умирающего свиток. Развернув его, он склонил голову набок, разглядывая изображённую на нём женщину. Затем, на глазах отца, в глазах которого ещё теплилась мольба, поднёс свиток к огню свечи.

Он каждый день убирал в этой комнате и знал её как свои пять пальцев, включая потайной ход и висевшую в нём картину. Он носил еду всем похищенным женщинам и видел их всех. Он понимал, что все эти несчастные были в той или иной степени похожи на женщину с картины.

Он также понимал, почему его отец так одержимо хотел, чтобы они родили ему дочь.

Его не любили не потому, что он был слаб и бесполезен, а потому, что он, в отличие от старших братьев, не был похож на женщину с картины. Он был рад, что не похож. И рад, что не родился девочкой. Если бы он родился здесь девочкой, он предпочёл бы, чтобы его задушили ещё в младенчестве.

Но был ли он на самом деле таким уж бесполезным? Не совсем. Просто слабость позволяла ему не ездить верхом, не участвовать в набегах, не убивать. Он предпочитал быть слабым. К тому же, он очень быстро бегал. Спускаясь с горы, он выбрал тропу, которую разведаль много лет назад. С тяжёлым мешком золота за спиной он строил планы на будущее.

Но он был слишком наивен. Людей, пришедших спасать Линь Мэй, было так много, что они окружили всю гору. У него не было ни единого шанса ускользнуть.

Он метался по лесу, но, не найдя выхода, вырыл под деревом яму и закопал золото. На стволе он вырезал иероглиф «семь». Это был единственный иероглиф, который он знал. Его научила Линь Мэй.

«Какое совпадение, — сказала она. — Ты родился в седьмой день седьмого месяца и седьмой по счёту. Ты должен знать этот иероглиф».

Спрятав золото, он поднял руки и закричал:

— Я здесь! Я здесь!

Историю о том, что он сын купца, он выдумал на ходу. У него был окровавленный кинжал, и он не мог признаться, что он сын разбойника и что убил своего отца.

Вечером его привели к отцу Линь Мэй. По дороге он узнал, что все разбойники на горе были

убиты, и главарь Жун Шэнчан тоже погиб в потайной комнате. Издалека он услышал спор. Он узнал голос Линь Мэй.

— Я не буду рожать, — спокойно сказала она. — Даже если умру, не буду.

Заметив движение, оба спорщика умолкли.

Неожиданно появившегося мальчика подвели к отцу Линь Мэй и рассказали выдуманную им историю. Выслушав, Линь Мэй взглянула на него.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина средних лет. Голос у него был добрый, но властный. Мальчик не умел читать и долго не мог придумать себе подходящее имя.

— Вань Минъюэ, — вдруг сказал кто-то.

Мужчина обернулся к своей дочери.

— Когда меня похитили, его с родителями тоже только что привели. Потом его родители умерли, и он остался один. Он долго носил мне еду, я его знаю. Его фамилия Вань, как в слове «удержать», а зовут его Минъюэ, — Линь Мэй указала на небо, — как эту ясную луну.

Затем они стали решать, что с ним делать.

И снова вмешалась Линь Мэй:

— Он лёгок на ногу и быстр. Даос Цин Я ведь тоже здесь. Отдайте его ему в ученики, пусть учится технике лёгкости.

Они повернулись к нему, спрашивая его мнения. Он не знал этого человека, но доверял Линь Мэй. Он кивнул.

— Хорошо.

Когда его вели к наставнику, Линь Мэй издалека позвала его. Он ещё не привык к своему новому имени и не сразу понял, что зовут его. Он подбежал к ней.

Она смотрела на далёкий костёр.

— Если будет возможность, я приглашу тебя в Ханькоу, — сказала она.

Это был последний раз, когда он её видел.

Она умерла, приняв на большом сроке сильное abortивное средство. Говорят, отец уговаривал её родить, обещая отдать ребёнка в другую семью, если она не захочет его воспитывать. Он говорил, что аборт на таком сроке слишком опасен. Но она была непреклонна. Она не хотела рожать. Она не могла и мгновения выносить это унижение. Она предпочла умереть, лишь бы избавиться от него, убить его.

Эта история, рассказанная урывками, заняла всё время от перевязки до ужина и отхода ко сну.

Хань Линь долго молчал.

— Так ты каждый год в Цинмин едешь в Ханькоу из-за госпожи Линь? — спросил он. Увидев его кивок, Хань Линь добавил: — В следующем году, если будет время, я поеду с тобой.

Вань Минъюэ крепче обнял его.

— Хорошо.

— А как тебя звали раньше? — снова спросил он.

Вань Минъюэ коснулся кончиком носа его носа и, улыбнувшись, сказал:

— Имя старого разбойника и цифра. Что в этом интересного? К тому же, мне нравится моё нынешнее имя.

Конечно, он кое-что утаил. Например, то, что он сам убил своего отца. Он сказал, что тот покончил с собой, оказавшись в ловушке. Он лишь подобрал кинжал. Утаил он и про золото, и про другие, более глубокие вещи, о которых нельзя было говорить.

В этом году на Цинмин, возвращаясь из Ханькоу, он заехал на гору, где родился. По памяти он нашёл дерево с вырезанным иероглифом «семь». Иероглиф и сейчас выглядел красиво. Он выкопал мешок с золотом, на несколько слитков купил на чёрном рынке в Чанъане давно присмотренную саблю, а остальное положил в банк.

Эту саблю он по многим причинам долго не мог подарить. А когда подарил, получатель, сочтя подарок слишком ценным, убрал её и не пользовался.

В эти дни Вань Минъюэ колот для Хань Линя дрова, готовил еду, давал лекарства, менял

повязки.

— Я словно муж, ухаживающий за больной женой, — шутил он.

Хань Линь был благодарен за заботу и, улыбаясь, подыграл ему:

— Несчастный муж.

Вань Миньюэ хмыкнул:

— Муж, который делает это по доброй воле.

Хань Линь рассмеялся, но смех отозвался болью в ране, и он, скорчившись, застонал.

Вань Миньюэ помолг ему сесть на край лежанки, снял с него толстые хлопковые носки и опустил его ноги в горячую воду. Он зачерпывал обжигающую воду, от которой краснели руки, и поливал ступни Хань Линя, растирая их.

Ступни Линя были мужскими, но Миньюэ, омывая их, невольно сокрушался.

«Какая несправедливость, как можно быть таким красивым даже в ступнях»

У молодого человека были длинные голени и тонкие лодыжки. Ладонь Вань Миньюэ легко обхватывала ногу, оставляя даже небольшой зазор. Но мужчина помнил, как эти ноги гоняли его по горам, и знал, какой силой они обладают.

Он вспомнил, как когда-то так же держал лодыжку Хань Линя, вправляя ему кость. Кажется, тогда она тоже была тонкой и хрупкой. Столько лет прошло, тот так вырос, а кости почти не изменились.

Сейчас Хань Линь был расслаблен, и его ноги послушно покачивались в горячей воде, позволяя спутнику делать с ними всё, что угодно.

Ледяная кожа остужала воду, и она уже не казалась такой обжигающей. Миньюэ тщательно промыл каждый палец, каждую складку, а потом долго играл с его лодыжкой, пока не начал щекотать пятку. Только тогда Хань Линь легонько брызнул водой в знак протеста.

— Ты наигрался?

Вань Миньюэ вынул его ноги из воды, положил на сухое полотенце на своих коленях и, улыбаясь, принялся вытирать капли воды. Он тихо вздохнул, давая понять, что не наигрался.

Хань Линь понял, что спутник снова дразнит его, и легонько пощекотал его босой ногой в боку.

Вань Миньюэ рассмеялся и схватил обе его ноги:

— Сначала надень носки, потом балуйся.

Когда на двери появилась тринадцатая черта, Вань Миньюэ спросил:

— Тебе совсем не хочется выйти на улицу?

— Вот поправлюсь, тогда и выйду. Сейчас главное — лечиться. Если я на улице простужусь, все твои старания пойдут насмарку. Тебе и так несладко спать со мной, таким холодным, — сказал Хань Линь, кутаясь в одеяло.

Мужчина накинул на него тёплую одежду.

— Сегодня снег прекратился, и вышло солнце. Если одеться потеплее, ничего не случится. Я выведу тебя подышать свежим воздухом, а то от сидения взаперти тоже можно заболеть.

Хань Линь подумал и, просунув руки в рукава, с его помощью встал и вышел на улицу.

Зимой в ясный день небо всегда особенно синее.

Выйдя на улицу, Хань Линь повеселел. Он ступал по глубокому снегу, смотрел на синеву, раскинувшуюся над головой, и, закрыв глаза, глубоко вдыхал морозный воздух. Открыв глаза, он повернулся к Вань Миньюэ и с улыбкой спросил:

— Почему ты на меня так смотришь?

Тот отвёл взгляд.

— Ничего. — Он пошёл вперёд.

— Куда ты? — спросил Хань Линь.

— Пойду проверю силки, которые вчера поставил, — ответил он. — А ты пока побудь здесь, подыши воздухом. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — сказал Хань Линь.

Вань Миньюэ пошёл вперёд, всё дальше и дальше, пока не решил, что отошёл на достаточное расстояние. Тогда он обернулся и посмотрел назад.

Даже для человека с самым острым зрением фигура, ждавшая его у хижины, превратилась в размытый силуэт. Но само его присутствие превращало и похожую на дом хижину, и заснеженные горы, и ясное синее небо, и пролетающих птиц в фон, в раму для его портрета.

Мужчина снял перчатку, стянув её зубами. Расстегнул воротник. И, глядя на размытый силуэт, медленно положил ладонь на грудь, поверх тонкой рубахи.

«Нет, это одежда слишком тонкая, а рука слишком холодная»

Вань Миньюэ застегнул утеплённую куртку и снова приложил руку к груди.

«Нет, это ветер слишком сильный, он дует прямо в грудь»

Он поправил одежду и снова надел перчатку. И через перчатку, через несколько слоёв тёплой зимней одежды снова положил ладонь на грудь.

Он не знал, как долго он так стоял и смотрел. Наконец, его губы тронула смиренная улыбка, и он тихо вздохнул.

<http://bllate.org/book/15990/1470040>